

УДК 327 (510) (09)

К.С. Ануфриев

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ ЦИНСКОГО КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Выявляются основные тенденции, присущие политике Цинской империи в Центральной Азии, анализируются причины и мотивы ее эволюции, выделяются условные периоды в развитии политики Цинов в данном регионе. Начавшаяся в середине XVII в. экспансия Цинов в Центральной Азии достигла своего пика к середине следующего столетия после завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана. Однако дальнейшее продвижение границ Цинской империи на запад остановилось, что официально было зафиксировано в 1881 г. Санкт-Петербургским договором.

Ключевые слова: Центральная Азия, Китай, Цины.

Первые попытки распространить свое военно-политическое влияние в Центральной Азии, или, как тогда называли этот регион китайцы, Западном крае, были предприняты китайскими императорами во II–I вв. до н.э. В результате ведущихся китайскими войсками в этом регионе войн против гуннов к середине I в. до н.э. последние отступили, и императоры династии Хань послали для управления Западным краем чиновника «духу», что, по мнению китайских историков, означало установление официальной власти династии Хань над этим регионом [1]. Начиная с этого момента, Китай неоднократно теряет и вновь приобретает контроль над Западным краем, однако неизменным для китайских императоров остается восприятие его в качестве сферы влияния Поднебесной империи, а государства, попытавшегося установить здесь свою власть, в качестве нарушителя суверенитета Китая. На наш взгляд, восприятие китайскими императорами Центральной Азии, в качестве территории, которая должна постоянно находиться под их контролем, сложилось в результате синтеза концепции господства Сына Неба (императора) над народами Вселенной, согласно которой император, якобы управлявший Поднебесной по воле Неба, являлся сюзереном, а все остальные народы были его вассалами, подопечными [2. С. 51], с перманентным ощущением угрозы Китаю, исходившей с северо-запада. Именно для защиты от агрессии с этого направления была возведена в III в. до н.э. Великая Китайская стена; все некитайские, чужеземные династии, управлявшие в тот или иной период всем Китаем или значительной его частью, были представителями кочевой евразийской периферии Китая.

Таким образом, установление политического контроля над населением обширных территорий, охватывающих Китай с северо-запада, являлось геополитическим императивом для императоров Поднебесной на протяжении тысячелетий. А кон-

цепция о превосходстве Сына Неба над «варварами четырех сторон света» служила в данном случае в качестве обоснования легитимности китайской экспансии в Западном крае.

Захватившие в середине XVII в. Китай маньчжуры переняли внешнеполитические концепции императоров более ранних китайских династий, в том числе и в отношении Центральной Азии. Более того, сами являясь представителями кочевой евразийской периферии, в очередной раз продемонстрировавшими собственным примером, какую угрозу может представлять правящей в Китае династии возникновение у ее границ крупного государственного образования, маньчжуры не могли не уделять самого пристального внимания тому, что происходило на западных границах вновь завоеванной ими территории. В XVII в. те же тенденции к консолидации, что привели к созданию маньчжурской державы, наблюдались в монгольских ханствах. Маньчжурские политики видели в этом для себя угрозу. Поэтому предотвращение любого объединения монголов стало одной из главных забот цинской внешней политики [3. С. 69].

Маньчжурам достаточно быстро удалось установить свой контроль над правителями Северной Монголии – Халхи. Фактически большинство халхаских ханов становятся вассалами Цинов уже в 1655 г. [4. С. 683–684], формально же присоединение Халхи к Цинской империи состоялось 29 мая 1691 г. на Долоннорском съезде. Однако ликвидацией независимости Халхи маньчжуры не добились полного устранения угрозы возникновения на северо-западных рубежах своей империи мощного государства, правители которого сначала могли бы бросить вызов цинскому влиянию в периферийных по отношению к собственно Китаю районах, а затем и угрожать самому существованию династии Цин. Эту угрозу маньчжуры ощущали со стороны государства западных монголов-

ойратов – Джунгарского ханства, правители которого начиная с последней четверти XVII в. проводили в Центральной Азии активную политику. Целью этой политики являлось объединение всех монголов под властью джунгарского хана и создание консолидированного монгольского государства. В связи с этим Джунгарское ханство в последней четверти XVII – первой половине XVIII в. становится главным внешнеполитическим соперником Цинской империи.

На наш взгляд, практически все дипломатические и военные мероприятия, предпринятые маньчжурскими императорами на северо-западном направлении их внешней политики в этот период, в той или иной степени подчинены цели нейтрализации и разгрома Джунгарского ханства. Весьма показательной в этом отношении является позиция Цинов в их отношениях с Россией. По нашему мнению, главными результатами подписания российско-китайских Нерчинского (1689 г.) и Кяхтинского (1727 г.) договоров для Пекина являлись гарантии того, что Россия не будет вмешиваться в отношения Цинской империи с монголами и не заключит антицинский союз с Джунгарским ханством. Действительно, в ходе продолжавшегося в течение всей первой половины XVIII в. противостояния между Цинской империей и Джунгарским ханством ойраты неоднократно предпринимали попытки по привлечению на свою сторону России, однако Санкт-Петербург, заинтересованный в развитии российско-китайской торговли, важнейшим стимулом для которого стало заключение Кяхтинского договора, последовательно придерживался в китайско-ойратском противоборстве нейтралитета, существенно облегчая для Цинов задачу уничтожения последнего независимого монгольского государства.

Значительное внимание отношениям с Россией Цины уделяют и после подписания Кяхтинского договора. Однако теперь дипломатические усилия Пекина направлены не на нейтрализацию России, а на привлечение ее к активным действиям против Джунгарского ханства в союзе с маньчжуро-китайскими войсками. Для того чтобы заинтересовать российские власти в такого рода сотрудничестве, цинские дипломаты предложили русским купцам ездить для торговли в Китай не восточной дорогой, не через Сибирь, а сначала «по Иртышу вверх водою и оттуда до Пекина... в три месяца без великого убытку» [5. С. 226], т.е. предлагали русской стороне существенно сократить дорогу в Китай, добираясь туда через территорию Джунгарского ханства. Кроме того, прибывшие в столицу Российской империи в начале 1731 г. цинские послы заявили Сенату, что «когда их китай-

ския войска зенгорской народ атакуют и землю ево овладеют, то ... ежели ея императорскому величеству что из земли их потребно, о том бы им объявить, и оное имеет уступлено быть в Российскую сторону» [6. С. 276]. Готовность Цинов уступить часть территории Джунгарского ханства России говорит о том, насколько серьезное значение придавали в Пекине заключению антиойратского союза с Россией. Однако русское правительство, поблагодарив маньчжурского императора за предоставленную информацию о его планах в отношении Джунгарии, уклонилось от поддержки маньчжур в их конфликте с ойратами, последовательно придерживаясь, как было сказано выше, нейтралитета в цинско-джунгарском противостоянии.

В середине XVIII в. Джунгарское ханство начало приходить в упадок. Джунгарские правители в последние годы существования ойратского государства были целиком поглощены внутренней борьбой за власть и сохранение единства Джунгарского ханства. Очевидно, что в такой ситуации никто из ойратских правителей не мог всерьез задумываться о какой-либо экспансии вовне, угрожавшей влиянию Цинской империи на подконтрольных ей территориях. Таким образом, важнейшая цель внешней политики маньчжур с момента завоевания ими Китая, заключавшаяся в недопущении возникновения рядом с создаваемой ими империей консолидированного монгольского государства, фактически была достигнута.

Однако Цины, находившиеся в середине XVIII в. на пике своего могущества и разрабатывавшие в этот период планы дальнейшей широкой экспансии в Центральной Азии, были настроены на уничтожение Джунгарского ханства как государства. Более того, в ходе подавления антицинского восстания ойратов, вспыхнувшего после подчинения их государства маньчжурам, озлобленные цинские власти фактически осуществили геноцид ойратов. Таким образом, к 1759 г. Цины не только ликвидировали Джунгарское ханство как государство, но и практически полностью истребили ойратский этнос.

Сразу же после завоевания Джунгарского ханства цинское правительство начинает включение в состав империи Восточного Туркестана. В качестве обоснования легитимности своих притязаний на власть в Восточном Туркестане цинское правительство использовало тот факт, что с начала XVIII в. Восточный Туркестан находился во власти Джунгарского ханства. Таким образом, по мнению Цинов, завоевание ими Джунгарии должно было автоматически означать подчинение им и Восточного Туркестана.

В 1760 г. на завоеванных территориях Джунгарии и Восточного Туркестана цинское правительство учреждает имперское наместничество Синьцзян. Широкое военное строительство, развернувшееся в Синьцзяне в 60-е гг. XVIII в., и многочисленность направляемых сюда воинских контингентов позволяют прийти к заключению, что цинские власти в этот период имели планы дальнейшей экспансии в Центральной Азии, угрожавшие независимости и безопасности населения сопредельных с Синьцзяном территорий.

В последующие за учреждением синьцзянского наместничества годы маньчжурские войска продолжают вторжения в независимые от них владения на Алтае, в казахские жузы и киргизские кочевья, начатые еще во время завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана, под предлогом преследования «бунтовщиков», т.е. руководителей антицинской борьбы на захватываемых маньчжурами территориях. В поддержке и укрывательстве лидеров антицинских восстаний в Восточном Туркестане Пекин также, небезосновательно, подозревает Кокандское ханство, Бадахшан и другие сопредельные с Кашгарией мусульманские владения [7. С. 51–70]. Недружелюбную политику Цины после завоевания Синьцзяна проводят и в отношении России, правительство которой маньчжуры также обвиняют в «укрывательстве бунтовщиков», т.е. в приеме под свое покровительство беженцев из Джунгарского ханства. Однако, несмотря на воинственную риторику и агрессивную позицию в отношении своих новых соседей в Центральной Азии, Цины во второй половине XVIII в. не идут дальше угроз, военных демонстраций и грабительских вылазок на прилегающие к их владениям территории. Опасаясь объединения враждебных маньчжурской династии мусульманских сил внутри и за пределами Синьцзяна, Цины были вынуждены отказаться от дальнейшей военной экспансии в Центральной Азии и довольствоваться своим номинальным сюзеренитетом над теми из центральноазиатских правителей, кто сам пожелал признать таковой, «изъявив покорность».

Таким образом, к концу 50-х – началу 60-х гг. XVIII в. цинская экспансия в Центральной Азии достигает своего пика. Однако практически сразу после образования синьцзянского наместничества правительство Китая сталкивается с целым рядом внутри- и внешнеполитических проблем, препятствующих дальнейшему распространению собственного влияния в Центральной Азии. Начиная с этого момента, главной задачей внешней политики Цинской империи в данном регионе становится поддержание стабильности и сохранение своей

власти на недавно завоеванных территориях Джунгарии и Восточного Туркестана.

В результате начала общего упадка Цинской империи и постоянных волнений в Синьцзяне (как одного из частных проявлений этого упадка) тенденция к снижению возможности китайского правительства оказывать реальное влияние на своих соседей в Центральной Азии усиливается в XIX в. Показательной в этом отношении является ситуация, когда в 1832 г. Цины, вынужденные поддаться давлению со стороны Кокандского ханства, не только разрешили кокандским купцам беспешинно торговать в Восточном Туркестане, но и позволили кокандскому хану направлять сюда купеческих старшин – аксакалов – для сбора налогов с внешнеторговой деятельности кокандских купцов на территории Кашгарии в пользу Коканда. То есть фактически цинский император делился со своим «вассалом» правом осуществлять фискальный надзор за внешнеэкономической деятельностью на территории собственной империи [8. С. 136–139].

Внутренние проблемы также не позволяли Цинам мешать усилению центральноазиатских позиций России, сфера влияния которой в данном регионе начиная с 20-х гг. XIX в. стремительно расширяется в южном направлении, двигаясь практически параллельно западной границе Цинской империи. Реакцию Цинов на активизацию политики России в Семиречье, казахское и киргизское население которого Пекин считал своими «данныками» и «вассалами», В.А. Моисеев характеризует как «на редкость вялую», объясняя это тяжелым системным кризисом, в котором находилась в тот момент Цинская империя [9. С. 23]. Более того, Цины не только не сопротивлялись усилению России на независимых от них территориях Центральной Азии, но, в конце концов, согласно условиям Кульджинского договора 1851 г., уступили пожеланиям российской стороны допустить русских купцов на рынки Синьцзяна, что ранее представлялось китайскому правительству крайне нежелательным. Уступки Цинов в пользу России продолжились и после подписания Кульджинского договора. Так, статьей 2 Пекинского договора 1860 г. было положено начало определению центральноазиатского участка российско-китайской границы [10. С. 71–72]. Это означало, что в 1860 г. цинское правительство официально отказалось от «надежды еще более отодвинуть на запад пределы государства, включив в него как казакские (казахские. – К.А.) земли, так и бассейн Сыр-Дарьи»; надежды, которая, по мнению Г.Е. Грум-Гржимайло, могла лежать в основе нежелания

Цинов «размежеваться с Россией» сразу же после «легких побед маньчжурского оружия в Средней Азии, когда огромные территории вошли в состав Китайской империи» [4. С. 689], т.е. сразу же после завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана.

Несмотря на все усилия цинского правительства, направленные на сохранение своей власти в Синьцзяне, мусульманские восстания, охватившие в 1864 г. всю территорию этой провинции, привели к тому, что господство цинских властей было свергнуто во всех районах Синьцзяна, кроме Баркуля и Хами [11. С. 180]. Фактически Цины столкнулись с задачей вторичного завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана. Повторное завоевание Синьцзяна цинскими войсками завершилось в 1879 г. В этом же году Россия и Китай вернулись к вопросу об определении западного участка границы. Этот вопрос был решен в 1881 г. заключением Санкт-Петербургского договора, юридически оформившего признание китайским правительством раздела сферы влияния в Центральной Азии между Российской и Цинской империями.

Итак, подписанием Санкт-Петербургского договора цинское правительство официально отказывалось от планов дальнейшей экспансии в Центральной Азии, в то же время этот документ юридически оформлял вхождение в состав Цинской империи огромной территории на ее западных рубежах. По сути, это было первое в истории подтвержденное официальным международно-правовым документом признание принадлежности китайскому государству района, за власть хотя бы в некоторой части которого вели борьбу императоры многих китайских династий. Установление контроля над территорией и населением этого района являлось для правителей Китая гарантией безопасности внутренних провинций империи, ликвидировало угрозу, ощущавшуюся китайскими императорами с этого направления практически permanently.

На наш взгляд, именно задача снятия этой угрозы явилась первопричиной широкомасштабной экспансии в западном направлении, развернутой завоевавшими Китай в XVII в. и основавшими новую династию Цин маньчжурами. Таким образом, центральноазиатскую политику Цинов на ее первом этапе (до завоевания Джунгарского ханства) нам представляется возможным охарактеризовать как агрессивную, завоевательно-экспансионистскую по своей форме и методам осуществления и оборонительную по своей глубинной сути.

Для облегчения исследования и понимания в этом длительном периоде «оборонительной экс-

пансии» можно условно выделить два подпериода, отличающихся друг от друга тактическими задачами, решаемыми цинским правительством на каждом из них в рамках достижения единой стратегической цели предотвращения возникновения на своих западных рубежах сильного консолидированного государства, угрожающего власти маньчжурской династии в Китае. Этими задачами были последовательное установление политического контроля Цинов над Халхой в ходе первого подпериода и Джунгарским ханством – в ходе второго. Методы, используемые Цинами для реализации этих двух задач, определялись ими исходя из складывавшейся обстановки по принципу «цель оправдывает средства». В результате для включения Халхи в состав империи хватило военно-политического нажима на ее правителей, примененного в комбинации с традиционной китайской внешнеполитической доктриной «и и чжи и» – «управлять варварами с помощью варваров»; тогда как для выполнения задачи по установлению своего контроля на Джунгарском ханстве Цины не просто ликвидировали это государство, что было, в принципе, обосновано целью внешней политики маньчжур на данном этапе, но и осуществили геноцид ойратского народа, что никак не может быть оправдано с позиций общечеловеческих норм и ценностей.

Таким образом, уже применительно ко времени завоевания маньчжуро-китайскими войсками Джунгарского ханства мы можем говорить о переходе центральноазиатской политики Цинской империи ко второму этапу в ее развитии, характеризующемуся преобладанием сугубо экспансионистских настроений при выработке цинским правительством своего внешнеполитического курса. Теоретической основой для практически безграничных супрематистских амбиций маньчжурских императоров стала заимствованная ими у их предшественников на китайском троне древняя внешнеполитическая концепция, согласно которой «Сын Неба» – император Китая – являлся властелином над всеми существующими в мире государствами и народами. Эта концепция активно использовалась Цинами и во время завоевания Халхи и Джунгарии, однако после ликвидации Джунгарского ханства (хоть и ненадолго) она стала преобладающим и практически единственным мотивом для выработки внешней политики Цинов в Центральной Азии. Именно на этот период в развитии центральноазиатской политики Цинской империи приходится завоевание ее войсками Восточного Туркестана и планы дальнейшей экспансии в западном направлении.

Однако уже в ближайшие после завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана годы Цины были вынуждены отказаться от первоначальных планов тотальной экспансии в Центральной Азии. Их внешняя политика в данном регионе, помимо их собственной воли, вступает в третий, заключительный, этап в своем развитии. На данном этапе Цины продолжают агрессивную риторику в отношении своих соседей в Центральной Азии, но фактически их действия в данном регионе сводятся к попыткам сохранения за собой территориальных приобретений, сделанных на предыдущих этапах. Несмотря на то, что в результате мусульманских восстаний в 60–70-х гг. XIX в. Цины временно теряют контроль над Синьцзяном, к 1879 г. им удается осуществить повторное завоевание этого района и в 1881 г. зафиксировать его вхождение в состав империи полноценным международно-правовым актом, заключенным с важнейшим к тому моменту субъектом международных отношений в Центральной Азии – Российской империей. Однако, судя по работам китайских историков, цинское правительство, никогда полностью не отказывавшееся от претензий на господство во всей Центральной Азии (в самой широкой трактовке этого понятия), и в этой ситуации чувствовало себя ущемленным в своих «законных» правах [12. С. 214–217]. Более того, китайские историки полагают, что «отрыв территории от Синьцзяна» продолжился в ходе демаркации границы после заключения Санкт-Петербургского договора, и даже российско-английское разграничение на Памире трактуют как сговор по аннексии этой «извечно принадлежавшей» Китаю территории. В результате, с точки зрения некоторых китайских ученых, за несколько десятилетий второй половины XIX в. царская Россия «подчинила своей власти и поработила» почти восьмимиллионное население Центральной Азии и захватила территории площадью 500 тыс. кв. км на западе Китая [13. С. 223]. Мне же представляется, что в условиях

кризиса, в котором находилась Цинская империя к концу XIX в., стабилизацию ее позиций в Центральной Азии в том виде, в котором их закрепил Санкт-Петербургский договор, следует считать если не успехом, то однозначно позитивным итогом политики, проводимой Цинами в Центральной Азии начиная с середины XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Краткий очерк пяти государств Центральной Азии* / под ред. Чжао Чанцина. Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР, март 1998 г. // <http://euroasia.cass.cn/Chinese/Production/projects23/001.html>
2. *Внешняя политика государства Цин в XVII веке*. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.
3. *Мясников В.С.* Империя Цин и русское государство в XVII веке. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.
4. *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. II.
5. *Русско-китайские отношения в XVIII веке*. Материалы и документы. Т. 1: 1700–1725. М.: Наука, 1978.
6. *Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.* Документы и материалы. М.: Наука, 1989. Кн. 1.
7. *Кузнецов В.С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1983.
8. *Кузнецов В.С.* Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX века. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973.
9. *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: Аз Бука, 2003.
10. *Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916* / под общ. ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2004.
11. *Ходжаев А.* Захват цинским Китаем Джунгарии и Восточного Туркестана. Борьба против завоевателей // Китай и соседи в новое и новейшее время. М.: Гл. ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1982.
12. *Фу Суньмин, У Фэн, Гун Пу, Сюэ Хун, Ван Куйси.* Краткий очерк истории вторжения царской России в Китай (Изд., испр. и доп.). Чанчунь: Цилиньское народное издательство, 1982.)
13. *История вторжения царской России в Китай*. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1986.